

INSPIRIA

ЭНТОНИ ПАССЕРОН УСНУВШИЕ ДЕТИ

Основано
на реальных
событиях

В переводе
Ольги Егоровой

INSPIRIA

Переведено. На реальных событиях

Энтони Пассерон

Уснувшие дети

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

Пассерон Э.

Уснувшие дети / Э. Пассерон — «Эксмо», 2022 — (Переведено.
На реальных событиях)

ISBN 978-5-04-191342-7

Спустя много лет после смерти своего дяди Энтони Пассерон решает рассказать историю своей семьи. Рассказать о том, как его дедушка и бабушка тяжелым трудом зарабатывали на жизнь в мясной лавке, чтобы обеспечить будущее своих детей. О том, как его отец пошел по их стопам. И о том, как его дядя Дезире – надежда семьи – оступившись, попал в ловушку, погубившую целое поколение молодых людей. Автор сплетает вместе две неразрывно связанные истории: трагедию, до основания сотрясшую несколько поколений его семьи, и историю врачей, отчаянно противостоявших отрицанию и невежеству в попытках разгадать загадку таинственной болезни, превратившей в изгоев многие тысячи людей.

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-191342-7

© Пассерон Э., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
MMWR	7
Обстановка	8
Сигнал тревоги	10
Улица четвертого сентября	11
Синдром геев	14
Юность	17
В царстве слепых	19
Амстердам	21
Институт Пастера	23
Поездка в Амстердам	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Энтони Пассерон

Уснувшие дети

© Егорова О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Дело в том, что крысы подышают на улицах, а люди умирают в
собственных спальнях.*

Альбер Камю. Чума

Пролог

Однажды я спросил отца, какой самый далекий город он видел в жизни. Он сразу ответил: «Амстердам, это в Нидерландах». Больше он ничего не сказал. Не отрываясь от работы, он продолжил разделывать тушу телянка. Отец был весь в крови, даже лицо.

Когда же я поинтересовался, зачем он поехал так далеко, то сразу заметил, как он стиснул челюсти. То ли разозлился на кусок телятины, не желавший поддаваться, то ли это мой вопрос так на него подействовал. Я толком не понял. Потом раздался сухой треск разрубленной кости, глубокий вздох, и он наконец ответил:

– Поехал искать этого идиота Дезире.

Передо мной оказалось неожиданное препятствие: я впервые за все детство услышал из уст отца имя его старшего брата. Мой дядя умер через несколько лет после моего рождения. Его фотографии я обнаружил в обувной коробке, где родители хранили фото и видео, отснятое еще на восьмимиллиметровой пленке. На фотографиях и видео были те, кто уже умер, еще молодые старики, собаки, там также оказались фрагменты и моменты беззаботных каникул на берегу моря или в горах. И снова собаки, всюду собаки... и вся семья в сборе... Люди в нарядных костюмах, собравшиеся по случаю несостоявшихся свадеб... Мы с братом могли часами разглядывать эти снимки, посмеиваясь над нелепыми нарядами и пытаясь узнать членов нашей семьи. Дело обычно кончалось тем, что мама велела сложить все фото по порядку, словно от этих воспоминаний ей становилось не по себе.

К папе у меня накопилось еще много вопросов. Были совсем простые, вроде: «А чтобы попасть в Амстердам, надо свернуть налево или направо от церковной площади?» Были и более сложные: мне хотелось знать почему. Почему, например, папа, который никогда не покидал родного городка, вдруг отправился через всю Европу искать своего брата? Но едва удавалось пробить брешь в резервуаре скопившейся боли и гнева, как он тут же спешил ее заткнуть, чтобы содержимое не расплескалось вокруг.

В семье по отношению к Дезире все вели себя одинаково. Отец и дед вообще о нем не упоминали. Мама всякий раз слишком быстро уходила от объяснений, произнося одну и ту же фразу: «Все это очень и очень печально». А бабушка ловко уклонялась от ответа и приступала к смехотворным рассказам, вроде мифов об усопших, которые с небес наблюдают за живыми. И каждый из них на свой манер скрывал истину. От этой истории сейчас не осталось почти ничего. Отец уехал из нашего городка, бабушка с дедом умерли. И все, что было связано с этими событиями, все декорации, в которых они происходили, поглотило время.

Эта книга – последняя попытка рассказать, что же все-таки случилось. В ней перемешаны воспоминания, отрывочные признания и опирающееся на документы воспроизведение реальных происшествий. Она – плод всеобщего замалчивания. Я хотел рассказать о том, через что наша семья, как и множество других семей, прошла в полном одиночестве. Но как наложить мои слова на их историю, не выхолостив ее? Как говорить от их имени без того, чтобы моя точка зрения и мои навязчивые идеи не вытеснили их собственные? Эти вопросы долго не давали мне взяться за работу, пока я не понял, что написать – единственный способ сделать так, чтобы история моего дяди Дезире и всей моей семьи не исчезла вместе с ними, вместе с нашим городком. Я должен растолковать людям, что жизнь Дезире вписана в хаос мира, в хаос исторических, географических и социальных фактов. Я должен помочь выжившим отдалиться от своих страданий, выйти из одиночества, в которое их загнали мука и стыд.

На этот раз они окажутся в центре, а все то, что обычно привлекает внимание, отодвинется на задний план. Вдали от города, от прогрессивной медицины и науки, вдали от художественных поисков и военных действий они наконец где-то будут существовать.

Часть первая

Дезире

MMWR

MMWR¹, еженедельный эпидемиологический бюллетень, который публикуют в США центры профилактики и контроля над заболеваниями, во Франции насчитывает совсем мало подписчиков. И среди них – Вилли Розенбаум, заведующий отделением инфекционных болезней в больнице Биша – Клода Бернара в Париже. В свои тридцать пять лет, вечно верхом на мотоцикле, длинноволосый инфекционист, прошедший войны в Сальвадоре и Никарагуа, не вписывался в среду парижских медиков.

Утром пятницы, 5 июня 1981 года, сидя за столом, он перелистывал только что полученный бюллетень MMWR. Там описывалось недавнее появление исключительно редкого заболевания легких, пневмоцистоза. Его считали почти исчезнувшим, однако, по подсчетам выписанных лекарств, произведенным в США, оказалось, что он появился совершенно неожиданно и непонятно откуда. Обычно этот недуг поражает людей с ослабленной иммунной системой, но в пяти последних случаях в Калифорнии речь шла о молодых мужчинах, еще совсем недавно пребывавших в добром здравии. Среди скудных данных, которыми на сегодня располагает Служба общественного здравоохранения США, обнаружилось нечто удивительное: все заболевшие – гомосексуалисты.

Инфекционист отложил бюллетень и снова принялся за исследования, перед тем как подтвердить консультации, назначенные на вечер.

Сегодня к нему, держась за руки, явились два пациента. Один из них, вялый на вид молодой стюард, жаловался на температуру и кашель, которые не проходят вот уже несколько недель. Поскольку городские врачи ничем не смогли ему помочь, он решил обратиться в службу инфекционных и тропических заболеваний больницы Биша – Клода Бернара. Вилли Розенбаум удивился и заглянул в медицинскую карту, протянутую стюардом. Потом осмотрел парня и назначил ему рентген и другие исследования легких.

Когда парень явился через несколько дней, результаты обследования окончательно убедили инфекциониста в правильности предварительного диагноза. Как он и подозревал, у его пациента был пневмоцистоз.

Совпадение было поразительным. Состояние пациента полностью соответствовало тому, что врач прочел в бюллетене: внезапное редкое заболевание легких обнаружено у молодого парня, гомосексуалиста, у которого нет никаких оснований жаловаться на сниженный иммунитет. Но все симптомы налицо. Это то же самое заболевание, которое считали побежденным и которое теперь обнаружилось у шести американских пациентов, а теперь еще и у одного француза.

¹ Morbidity, Mortality Weekly Report (MMWR) – «Еженедельный бюллетень заболеваемости и смертности». – *Здесь и далее прим. перев.*

Обстановка

Мухи. Мухи повсюду. Мухи на кусках мяса, на оконных стеклах. Полчища черных мух на белом плиточном полу. Мухи, совокупающиеся на свиных боках и куриных бедрышках. Мухи, рождающиеся в складках ростбифа и умирающие, увязнув в крови. Мухи с ликованием вторят жужжанию компрессора, охлаждающего витрину, и не обращают внимания на синеватый огонек электромухобойки. Здесь они одержали окончательную победу.

Вот приблизительно и все, что мне запомнилось в магазине бабушки и деда. Просторная мясная лавка притихла, постоянные клиенты сюда больше не заходили. А те, кто заглядывал, просто хотели поддержать семью, так сказать, из солидарности. Они останавливались поболтать и обменяться новостями, касающимися прежде всего торговли.

Нынче от этой лавки уже ничего не осталось. На витрине вывешено объявление «Продается или сдается в аренду», снабженное телефонным номером. Всю улицу постигла та же участь. И овощной магазин, и парикмахерскую, и книжную лавку, и мастерскую по починке телевизоров, и галантерейную лавку. Торговля здесь постепенно заглохла, а за неимением арендаторов магазины закрыли шторы. То же происходило и с квартирами на нижних этажах: они постепенно пустели. О былой благополучной эпохе напоминал лишь чудом уцелевший маленький обветшалый косметический кабинет. Улица безнадежно опустела. Попадались только бродячие кошки, завладевшие погребам брошенных магазинов. Они шныряли сквозь поломанные решетки вентиляционных шахт, выходивших на уровне тротуара. Случалось, что в шахтах ночевали подростки. Примчавшись на самостоятельно собранных скутерах, они усаживались на ступени старых магазинов и целыми днями ссорились из-за сигарет и переругивались. В течение нескольких десятилетий старая супрефектура, когда-то процветавшая, неизбежно утратила свое значение. Центр стал окраиной, детские голоса затихли. Мое окружение исчезло.

Однако в этом было и свое очарование. На аллее платанов, растущих вдоль набережной, на деревенском рынке или в узких улочках еще можно было ощутить себя в воображаемом Провансе. Но обвалившиеся доходные дома, брошенные автомобили и закрытые цеха вокруг старого городка рассказывали совсем другую историю. Чтобы ее понять, надо прежде всего вспомнить, что это за территория: позабытый городок, затерянный где-то на границе двух миров, между морем и горами, между Францией и Италией. Потом надо представить его топографию: он гнездится в глубине долины, там, где река сливается с горным потоком, сразу уходит с равнины и вливается в Средиземное море. К этому следует прибавить жесткий климат, когда бесконечные зимы словно крадутся по трещинам в скалах, когда изнурительно-жаркое лето объединяет в себе все худшее, чем отличается альпийская и средиземноморская погода. В общем, картина получится не ахти... Однако городок, затерянный среди темных, тонущих в тумане сосновых лесов и дубовых рощ на более приветливых солнечных склонах, фактически был торговым центром, куда местные крестьяне свозили свой небогатый урожай. Наконец, к описанию надо прибавить немного исторических фактов и вспомнить, что вплоть до середины XIX века этот заброшенный городишко возле границ графства Ницца был территорией Италии. Когда же наступили времена аннексии, Франция основала здесь свою супрефектуру и очень старалась пробудить в жителях чувство привязанности к новой родине. Прокладка шоссе национального значения и дороги, соединяющей Ниццу с Динь-ле-Бен, позволила этой территории постепенно выйти из статуса анклава. А грандиозные строительные проекты, от пробивания туннелей в горах до возведения монументальных виадуков силами итальянских рабочих, открыли путь к побережью.

Несмотря на довольно слабую и шаткую экономику, определенной части населения удалось разбогатеть и обзавестись собственностью: предприятиями, торговыми точками, землей

и жильем. Местная мелкая буржуазия заметно выделилась из общей массы работников полей и фабрик и вела жизнь куда более комфортабельную. На черно-белых открытках начала XX века изображены семьи, гордо вышагивающие вдоль прибрежных променадов или сидящие за столиками кафе. На одной из таких открыток запечатлена безупречная витрина магазина моей семьи. У входа в магазин стоит человек в костюме, шляпе и с галстуком-бабочкой. Осанка у него прямая и горделивая. Мужчину зовут Дезире, это мой прадедушка. Он разительно отличается от прохожих, спешащих куда-то в своих грязных, засаленных робах. Эта старая пожелтевшая фотография без слов рассказывает о положении нашей семьи в те времена.

До самого начала 80-х наша мясная лавка еще была своеобразным центром притяжения. По субботам и воскресеньям у ее входа на улице выстраивалась целая очередь. Это место все уважали и немного побаивались. Для более зажиточных клиентов приберегали лучшие куски мяса и сопровождали сделки всяческими комплиментами. А от более скромных семей, едва решавшихся постоять у входа, просто отмахивались, и они получали залежалые куски сомнительного качества. Пожаловаться при этом никто не отваживался. На самой крупной торговой улице города закон соблюдался еще довольно долгое время.

Сигнал тревоги

Жак Лейбович, иммунолог больницы Раймона Пуанкаре в Гарше, тоже был одним из тех немногочисленных французов, кто читал американские бюллетени. В начале лета 1981 года его сестра, дерматолог больницы Тарнье, как-то обмолвилась, что у них в отделении лечатся двое гомосексуалистов. У них очень редкий тип рака: саркома Капоши.

Третьего июня 1981 года бюллетень MMWR как раз опубликовал статью под заголовком «Саркома Капоши и пневмоцистоз у гомосексуалистов Нью-Йорка и Калифорнии». Там говорилось о загадочном распространении заболевания среди геев Калифорнии и Нью-Йорка и сообщалось, что саркому Капоши диагностировали у двадцати шести пациентов, а у четырех из них обнаружили еще и пневмоцистоз.

Эта статья озадачила Жака Лейбовича. Он никогда раньше не сталкивался с медицинскими публикациями, где людей разделяют по признаку сексуальной ориентации. Однако все это очень походило на те случаи, о которых рассказывала сестра, когда редчайший вид рака кожи поразил именно двух гомосексуалов.

Он порылся в ящиках стола и нашел в своих архивах интересное досье умершего в 1979 году водителя такси родом из Португалии. Пациент скончался от целой серии серьезных инфекций, среди которых был и пневмоцистоз. Это вызвало у иммунолога огромное любопытство, и он обзвонил своих коллег в крупных больницах Иль-де-Франс. В больнице Биша – Клода Бернара он нашел инфекциониста, у которого возникли те же вопросы. Его мнение о первых случаях заболевания разделял Вилли Розенбаум. Пообщавшись с коллегами, он отметил для себя еще пять недавних случаев пневмоцистоза, которые никто не мог объяснить. Если всего за несколько недель удалось обнаружить шесть случаев, подобных описанным в бюллетенях, значит, на деле их должно быть гораздо больше.

Столкнувшись с появлением сразу двух заболевших во Франции, что было довольно странно, оба врача решили, что пора бить тревогу.

Улица четвертого сентября

Окровавленные скелеты животных. Вот оно, золото трех поколений семьи. Куски мяса, что продавались в розницу, упаковывали в плотную розовую бумагу с оттиском нашего имени.

Легенда гласит, что мои бабушка и дедушка обвенчались ночью, чтобы обойти запрет прадедушки. Ради защиты состояния и репутации он запретил своим детям жениться на итальянках. Но, достигнув брачного возраста, каждый из них счел своим долгом этот запрет нарушить.

Я часто спрашивал себя, как свадебный обряд, проведенный посреди ночи, в строжайшем секрете, мог остаться незамеченным в таком крохотном городке, где все всё знает. Но я принял эту романтическую версию истории бабушки и деда, тем более что о них я помнил только то, что они вечно были завалены работой.

Возня с мясом отнимала все их время, каждый его миг. Понедельники они проводили на бойне, а остальное время в магазине. С наступлением вечера шторы опускали, но работы было еще столько, что пришлось оборудовать кухню и столовую в помещении за магазином. Чтобы дойти туда от улицы Четвертого Сентября, достаточно было трех минут пешком. Наш дом стоял очень близко, сразу за церковью. Мы в шутку называли его «депо», или местом временного складирования, потому что там держали уже подготовленное к продаже мясо. Случается, что работа дает название жилому дому.

В воскресенье после полудня магазин закрывался. Но надо было подготавливаться к следующей неделе: разделать говяжьих туши, засолить окорока, запанировать эскалопы, замариновать все для салатов, надеть тонну сосисок. Потом наступали часы уборки и чистки. Рабочие места мыли большим количеством воды: стены, полы, механизмы, ножи, баки, в которых перевозили мясо. Темно-красные потеки крови в мыльной воде отливали розовым. Ножи отчищали от прилипших кусочков мяса, крепко потерев их о деревянную колоду. Это движение производили настолько часто, что крепкое дерево, из которого была вырублена колода, сдалось, и колода стала короче на несколько сантиметров. Наконец, в горячей воде стирали передники и тряпки. А на следующий день все начиналось заново. Работа в магазине заставляла рассчитывать жизнь по минутам, нельзя было позволить себе ни малейшей передышки. Торговля мясом давала семье все, и ей невозможно было изменить.

Мой дед Эмиль каждую неделю накручивал сотни километров, чтобы развезти мясо по окрестным деревням. Его специально оборудованный грузовик объезжал всех заказчиков даже в деревушках на вершинах скал, останавливаясь то на несколько часов, то на несколько минут. Там, где вообще не было магазинов, его ждали с особым нетерпением.

Район он знал великолепно. Его отец Дезире и дед Франсуа обосновались здесь как перекупщики. Они за бесценок приобретали скот у бедных крестьян долины и выпускали на пастбища на высокогорье. Когда же скотина набирала вес, ее забивали, а мясо распродавали в розницу с неплохой прибылью.

Из мяса, купленного в магазине, кровь выпускал забойщик, и это было гарантией качества. В послужном списке в военном билете моего прадеда Дезире я прочел следующую фразу: «Мясник, владеющий техникой забоя скотины».

Семья постепенно обзавелась немалым имуществом и стала считаться знатной и богатой.

Эмиль провел детство, которое пришлось на 30-е годы, в городке. Тогда жизнь в нем была ключом: тут были свои гостиницы и прачечные, кожевенный и мебельный заводы, своя макаронная фабрика. Сразу после окончания школы отец приобщил сына к работе, и тот достаточно быстро стал незаменим. Он вместе с отцом ездил по деревням скупать скот. В стороне от поселков, по краям узких дорог с колдобинами стояли одинокие фермы. Дезире учил Эмиля выбирать скотину, правильно торговаться, а еще правильно справляться с инстинктивным страхом

животных при погрузке в перевозной вагончик. Он с гордостью рассказывал, как откармливать скотину, забивать и разделывать. Так Эмиль стал мясником. Его жизнь и лик вписались в нескончаемую череду жизней и лиц всех членов семьи, а заодно и врезалось в память обитателей здешних мест. Он получил в наследство нечто большее, чем ремесло: имя и статус. После смерти родителей дети разделили сбережения, дома и землю. Поскольку Эмиль был старшим, он, естественно, получил мясную лавку и «депо». От отца ему достались в наследство жизнь, предприятие и ремесло.

История моей бабушки Луизы была куда более драматичной. Она происходила из Пьемонта, из итальянской семьи. Отец ее надрылся в поле. Он работал в одном из сельскохозяйственных предприятий за мизерную зарплату, которая обрекала его на бедность. Однако, несмотря на согнутую от постоянного таскания грузов спину, обожженный солнцем затылок, израненные руки, в его душе все же прорастали зерна надежды. И он, и его товарищи по несчастью верили, что завтра жизнь им улыбнется.

Но дело обернулось скверно. Угроза, и без того висевшая над коммунистами, становилась все отчетливее. Унижения, вымогательства и быстрый подъем фашизма не оставили ему выбора. В одну из ночей 1942 года он принял решение в срочном порядке бежать вместе с женой и детьми. Несколько дней они пробирались на юг наугад, не имея конкретной цели, и нашли убежище в одной из деревень в Руайя. Обитатели этого оплота левых уговорили его поселиться в развалинах старого дома. Через некоторое время он нашел работу на одной из соседних ферм.

После Первой мировой войны появление в регионе итальянских семей нивелировало отток горцев и компенсировало нехватку людей, не вернувшихся из окопов. Этих нищих эмигрантов очень ценили местные работодатели и в сельском хозяйстве, и в строительстве, и в промышленности. В то время и пробитые в горах туннели, и головоккружительные виадуки, позволившие проложить железнодорожные пути от Альп до Средиземноморья, были созданы потом и кровью итальянцев. Однако после кризиса 30-х годов на них посыпались обвинения в неопрятности, в домашней антисанитарии, в необоснованно высоких зарплатах и даже в том, что у них слишком много детей. В этой нездоровой атмосфере Луиза смирилась со своим положением. Как и отец, она очень быстро научилась ходить по стеночке и помалкивать, видя откровенное презрение хозяев, то есть тех семей, где она занималась хозяйством или присматривала за детьми, которые были порой почти одного возраста с ней. Она ни на что не жаловалась. Здесь была та же нищета, зато не было страха, что ночью ворвутся люди в коричневых рубашках и застрелят отца прямо на пороге.

Бабушка мало рассказывала о своем детстве, прошедшем в крайней нужде. Она не вдавалась в детали, но вспоминала о холоде, голоде и национализме, о доме, слишком тесном для их большой семьи. В юности ей годами приходилось спать на полу и питаться одной полентой. С тех пор безвкусные блюда вызывали у нее отвращение, она проклинала свое прошлое и всегда готовила вкуснейшую и обильную еду. Это был ее своеобразный реванш.

Ничто в доме моих бабушки и деда не напоминало об истории Луизы. Только ее мать, почти столетняя старуха, вечно закутанная в одеяло, пораженная болезнью Альцгеймера, еще рассказывала о прошлом. Моя прабабушка почти полностью оглохла и теперь, сидя в кресле, безостановочно бормотала что-то нечленораздельное на смеси итальянского и пьемонтского наречий. Бывало, она просыпалась в панике. В ее сознании всплывала какая-нибудь сцена из молодости. Она, плача, принималась искать своего мужа и родителей. Так по ночам, в воспоминаниях, которые стараешься обычно подавить, к ней приходила Италия. Чтобы успокоить старуху, бабушка на несколько секунд возвращалась к своему забытому языку.

Луиза познакомилась с моим отцом, когда была еще подростком. Летом каждое воскресенье в городке устраивали гулянья, посвященные святому-покровителю, в честь чего устраивались танцы. После мессы по улицам проносили деревянную статую святого, а потом монтировали на площади танцплощадку, украшенную гирляндами разноцветных огней. Вот под такими огоньками Эмиль и пригласил Луизу на танец. Хватило нескольких песен, чтобы судьба юной пары была решена. Несмотря на колебания отца Эмиля, свадьба состоялась. Луиза легко вошла в зажиточное меньшинство городка. В этом маленьком сообществе одни семейства с гордостью демонстрировали витрины своих магазинов или прицепы к грузовикам, другие, как позорное клеймо, несли на себе алкоголизм главы семейства или отчаяние матери, доведенной до края шалостями многочисленных отпрысков. Луиза удостоверилась, что в той касте, к которой она теперь принадлежала, потомство в почете. В этом кругу детей называли по именам и в церкви, и на теннисном корте. С ними всегда здоровались учителя, и это отличало их от других детей, шатавшихся по улицам, на которых постоянно орал директор школы и заставлял часами стоять на коленях в своем кабинете со словарем на голове.

Отныне в распоряжении моей бабушки была прислуга, что являлось неперменным атрибутом нового класса. Органы государственного призрения выделили ей двух умственно отсталых: Пьера и Сюзанну. В окрестностях Ниццы это было делом обычным. Многие семьи, располагающие такими дополнительными рабочими руками, получали немалую финансовую выгоду.

Теперь Луиза могла укрепить свой высокий ранг и дома, и в магазине. Она кричала на покорных бедолаг, командовала и раздавала приказы направо и налево. Давнишние клиенты магазина до сих пор помнят ее ядовитые замечания в адрес тех, кто выказывал нетерпение, когда их недостаточно быстро обслуживали. Моя бабушка ничего не забыла: ни унижений, ни холода, ни голода, – и вела себя с ними так, как когда-то они вели себя с ее близкими.

Ведя жизнь, практически лишенную отдыха, Луиза и Эмиль закладывали основу своей семьи. У них родилось четверо детей: Дезире, Жак, Кристиан и Жан-Филипп. Согласно местным семейным обычаям и в соответствии с итальянскими традициями, старшего называли в честь прадеда по отцовской линии. Имя Дезире передавалось по наследству – так звали одного из немногочисленных защитников городка, вышедшего живым из окопов. Собственно, именно благодаря ему семья теперь жила в достатке. Первый из сыновей был призван подавать пример остальным, следовать путем родителей и уважать имя, которое его предки с гордостью несли над долиной.

Синдром геев

С начала в июле, а потом и в августе 1981 года в бюллетене MMWR сообщили об эпидемии в Соединенных Штатах. Болезнь поразила более ста пациентов от Сан-Франциско до Нью-Йорка. В то время не удалось определить причину, по которой естественный иммунитет больных оказался разрушен. Первые анализы выявили поразительный иммунный дефицит.

Пытаясь понять, в чем дело, медики выделили симптомы и патологии инфицированных. Лихорадка, ночной пот, потеря веса, хроническая диарея и увеличение лимфоузлов были определены как признаки-предвестники болезни. А уже вслед за ними проявлялись более грозные симптомы: пневмоцистоз и саркома Капоши. Этот синдром диагностировали у одной женщины и нескольких мужчин, не проявлявших признаков гомосексуальности, но вероятных героиновых наркоманов. По сравнению с количеством заболеваний, выявленных среди гомосексуалов, это число казалось ничтожным.

Развитие болезни очень часто проходило по одному сценарию. Сначала несколько коротких побед, ложная ремиссия, а потом ослабление естественной защиты организма подходило к черте, за которой он уже не мог противостоять никаким инфекциям. Поскольку среди заболевших больше всех оказалось гомосексуалов, то источник заражения стали искать прежде всего в их образе жизни. Поначалу все подумали о попперсе, возбуждающем средстве, очень популярном в сообществах гомосексуалов. Американские ученые прошлись по клубам, чтобы добыть это вещество и подвергнуть его лабораторному анализу. Когда были получены результаты, от этой гипотезы очень быстро отказались.

«Капоши, таинственный недуг американских гомосексуалов».

Шестого февраля 1982 года «Либерасьон» стала первой из французских газет, опубликовавших статью об этом заболевании. Речь в ней шла исключительно о гипотезах происхождения и причинах возникновения болезни. Журналист попытался собрать воедино разрозненные сведения. Он цитировал Вилли Розенбаума, который взял на себя заботу о первых заболевших в больнице Биша – Клода Бернара и указал номер телефона центра эпидемиологического надзора, представлявшего собой просто скромное медицинское бюро в Париже.

Вилли Розенбаум и Жак Лейбович были отчаянно одиноки на этом пути. Коллеги подняли на смех их упорную возню с пациентами и спрашивали, зачем тратить столько времени и энергии на неизвестную болезнь, которая поразила во Франции всего-то десяток человек. Исследования иммунодефицита практически никого не заинтересовали.

Шестого марта 1982 года Вилли Розенбаум в соавторстве с другими пятью французскими медиками опубликовал в журнале «Ланцет» статью под названием «Многочисленные случаи инфекции у французских гомосексуалов». В ней обрисовано развитие заболевания у первого пациента, выявленного инфекционистом 5 июня 1981 года. Состояние молодого стюарда, пораженного пневмоцистозом, стремительно ухудшалось. Развились другие патологии, а в августе того же года у него обнаружился церебральный токсоплазмоз.

В июле 1982 года в MMWR появилась статья, сообщающая, что заболевание только что диагностировали у трех гомофиликов гетеросексуальной ориентации и одного ребенка, которому перелили кровь. Список разрастался, и постепенно, неделя за неделей, публикация за публикацией, в нем появились другие пациенты-гетеросексуалы, гомофилики, токсикоманы, женщины и дети. Однако и во Франции, и в США авторитетные медики недоумевали, почему у их коллег вызывает такой интерес явление, которое до сих пор называли просто «синдромом геев».

Теперь Вилли Розенбаум был уверен, что они имеют дело с вирусом, настолько агрессивным, что он может разрушить иммунную систему и тем самым открыть путь очень редким

заболеваниям, особенно у молодых пациентов. Исходя из наблюдений за первыми заболевшими, Вилли Розенбаум пришел к выводу, что заражение происходит через половые контакты и через кровь. Вместе со своей коллегой и другом Франсуазой Брен-Везине он действовал методом исключения, внимательно рассматривая все известные вирусы, способные передаваться такими путями. Обоснованное подозрение вызвал цитомегаловирус. Он принадлежит к типу вирусов герпеса, поражает в основном людей с отсутствующим иммунитетом и порой вызывает заболевания легких. Брен-Везине, главный вирусолог больницы Биша – Клода Бернара, уже работала над этой проблемой, и ей было легче напасть на след. Она начала с исследования крови и лимфоузлов первых пациентов. После нескольких недель работы оба медика были вынуждены признать очевидное: да, конечно, цитомегаловирус присутствует в пробах биоматериала пациентов, но далеко не систематически. Несомненно, причиной заболевания является не он.

Стало ясно, что возбудитель – вирус, еще не известный исследователям. Базируясь на статьях, появлявшихся в американских журналах, Вилли Розенбаум, Франсуаза Брен-Везине и Жак Лейбович заинтересовались ретровирусами. Гипотеза казалась перспективной, поскольку эта категория вирусов была мало изучена, особенно у людей. Специалисты в этой области не поддержали троицу французских медиков. Им была необходима помощь. Первый отказ Розенбаум получил от группы Жан-Поля Леви из больницы Кошен. Свободно владея английским, Лейбович завязал первые контакты в США с Робертом Галло, вирусологом, получившим международное признание после того, как открыл первый человеческий ретровирус, HTLV, ответственный за некоторые виды лейкемии. Лейбович полагал, что американец – единственный, кто сможет помочь ему обнаружить новый вирус в крови пациентов.

Вместе с тем усилия Вилли Розенбаума расшевелить структуры средств массовой информации стали приносить плоды. В воскресенье 27 марта 1982 года в 20:00 на канале «Антенна-2» показали первый телерепортаж, посвященный новому заболеванию. Журналистка Кристин Охран разъяснила, что случаи саркомы Капоши, довольно редкого вида рака, опасно участились в США. Странно, но это касалось только мужчин-гомосексуалов. За этим последовала череда красивых кадров: Нью-Йорк с почтовой открытки, с его небоскребами, желтыми такси и полицейскими. Далее пошли кадры, снятые в барах для геев, где танцевали молодые «качки», потом кадры, снятые на узких тротуарах, где прохожие, явно обеспокоенные, объясняли, что располагают только информацией, размещенной на афишках, написанных от руки и расклеенных на витринах аптек. Они всполошили все сообщество геев новостью о появлении непонятного заболевания, описав его симптомы с помощью фотографий.

Саркома Капоши, сообщества гомосексуалов... Эти стереотипы, которые связали с заболеванием, долгие годы будут восприниматься как нечто само собой разумеющееся. В результате широкая публика еще длительное время будет довольствоваться снимками измученных, обреченных пациентов, ведущих определенный образ жизни. Одиночество и изоляция носителей болезни, которую теперь все называли «раком геев», привели к тому, что со временем ситуация только ухудшилась.

Хотя в репортаже канала «Антенна-2» уточнялось, что во Франции уже выявлено довольно значительное количество заболевших, общественные институты и публика рассматривали этот феномен как очень отдаленную эпидемию. Вилли Розенбаум прилагал все усилия, чтобы расширить свою аудиторию. Он многократно пытался привлечь внимание ассоциаций, занимающихся специфическими заболеваниями геев, но поначалу получал категорические отказы. Некоторые из них боялись, что все это приведет скорее к шельмованию сообщества гомосексуалов, чем к борьбе с болезнью. Однако ассоциация все-таки согласилась сотрудничать с ним в постановке на учет и лечении больных.

В достаточно замкнутом мире парижских больниц беспокойство и бурная деятельность этого заведующего отделением многим начали надоедать, и ему быстро дали понять, что все это дорого ему обойдется. И однажды майским вечером нож гильотины упал. Руководству больницы Биша – Клода Бернара надоел наплыв гомосексуалов, которых Вилли Розенбаум тащил на консультации, и инфекциониста предупредили, что если он не прекратит заниматься «синдромом геев», то ему придется найти себе другое место работы.

Юность

Об этом этапе своей работы отец не говорил никогда. Тем не менее именно от него и зависела репутация семьи. Когда я его спрашивал, как все там происходит, он отвечал, что главное – это скорость. Все надо делать быстро. Не ради семейного достатка, а просто чтобы не вгонять животных в стресс. Иначе мясо будет испорчено. Он говорил, что скотину нельзя заставлять страдать без причины.

Скотовод выводит из стойла первое животное. Остальные мычат в ночи, дожидаясь своей очереди. Он ведет животное на веревке вдоль коридора с металлическими стенками, похлопывая его по холке и шепча ему на ухо что-то успокаивающее. Пьер, семейный рабочий, идет рядом. В конце коридора, в просторном помещении с неоновым светом и полом, мощенным белой плиткой, их ожидают Эмиль и отец. На потолке видны направляющие рельсы с крюками, на которые подвешивают животное. Дойдя до конца коридора, работник тянет за веревку, прижимая голову животного к стене. Тут нож в руках отца взвивается вверх. Быстрым, точным движением он перерезает шейную артерию, и животное умирает в один миг, не поняв, что его убили. Так лучше для всех. Когда животное полностью обескровлено, его подвешивают вниз головой, чтобы выпотрошить.

Из огромной туши, все еще дергающейся в судорогах, отец вместе с дедом ловкими ударами ножей достают все внутренности. Выпотрошенную, висящую вниз головой тушу Пьер по потолочным рельсам перемещает в холодильник, а скотовод тем временем идет к стойлам за очередной жертвой. Останавливаться нельзя, пока не будет обескровлена последняя намеченная скотина.

Когда же стихнет последнее мычание и в ночи воцарится тишина, все наконец смогут немного передохнуть. В крови и в поту с головы до ног, они достают термосы с кофе, хлеб и сыр и усаживаются поболтать при свете звезд. Сидя на подножках грузовиков, они обсуждают новости с ферм и окрестных деревень. Работники поздравляют мясника, который так хорошо обучил своего сына резать скотину. Поэтому они и собрались здесь: где еще лучше зарежут их скотину?

Иногда рядом с грузовиками парковался желтый «БМВ» с авторadio на борту, и из него вылезал второй сын мясника. Ночь он явно провел на какой-то вечеринке. В бархатном костюме и лакированных туфлях, он наверняка обошел все прибрежные бары со своими друзьями. А поскольку скотобойня располагалась у въезда в городок, то завернул перед сном выпить кофейку с отцом. Эмиль с гордостью представлял своего старшенького работникам, которые еще не были с ним знакомы. Дезире не спеша закуривал сигарету и начинал рассказ о своих похождениях. Под восхищенным взглядом младшего брата и с одобрения отца он развлекал аудиторию, пока рабочая необходимость не призывала всех к порядку. Тогда он исчезал в ночи, пожелав всем спокойной ночи, хотя, как все знали, никакой спокойной ночи у них и быть не могло.

Дезире рос любимчиком. Как это часто случалось во фратриях долины, первый мальчик в семье считался избранным и пользовался особым статусом, исключительное внимание к нему не иссякало даже с появлением на свет его братьев и сестер. А Эмиль, мой отец, рос точной копией родителей. Об этом говорить было не принято, но отец иногда мне об этом напоминал. Он оправдывал воспитание, которое дал нам, мне и брату, важностью справедливого распределения эмоционального и материального. Словно именно здесь крылась причина несчастья. Историю своих родителей и Дезире он представлял как пример, которому ни в коем случае нельзя следовать. Однажды, когда я отказался выносить мусор, поскольку подошла очередь брата, отец страшно рассердился, что было для него необычно. Он вспомнил свое детство,

когда родители всегда рассчитывали на его помощь в самых неприятных делах, от которых оберегали старшего сына:

– Дезире всегда носил новые вещи, и пачкать их было нельзя, а вот я, поскольку мне доставались обноски, мог в любой момент запросто сложить дрова в гараж, прибрать и помыть зал скотобойни или вынести мусор. Когда он надевал новый свитер, я должен был носить за ним в школу его ранец! – После этого он обычно повторял: – А у нас нет никаких предпочтений!

Гораздо позже я понял причину одержимости, с какой он избличал, не говоря о том открыто, воспитание, данное родителями его старшему брату. Он обвинял их в том, что потом случилось с Дезире.

Еще в юности необходимость привела моего отца на скотобойню. Желая угодить родственникам, он стремился овладеть семейным ремеслом как можно скорее. Однако в школе он учился блестяще, и учителя уговаривали его продолжить учебу. Отец решительно отказался и был непреклонен, добившись позволения окончить школу экстерном. Таким образом, в пятнадцать лет он расстался с юностью и начал серьезно работать. Скотобойня и мясная лавка поглотили его целиком. С четырех часов утра он постоянно следовал за отцом на бойню, в магазин, сопровождал в разъездах, связанных с продажей. Он окунулся во взрослую жизнь, а его сверстники тем временем поступали в лицей и весело проводили каникулы. Во время воскресных обедов у него порой слипались глаза, а голова падала на стол. К десерту его будили. Он уходил первым, чтобы на рассвете уже быть на скотобойне, когда друзья еще только укладывались спать. Постепенно он перестал говорить о чем-нибудь, кроме своего ремесла или долгих часах работы. Все считали его работягой, трудоголиком, и это стало для него предметом большой гордости. Клиенты, развозчики продуктов, оптовики – все завидовали его родителям, ведь не у каждого был такой преданный сын. В воскресенье вечером он без сил валился на диван и засыпал под американские полицейские сериалы.

А в это время его старший брат обнаружил, что жизнь существует и за пределами мясной лавки и даже долины. В городке были всего одна школа и лишь один коллеж, так что Дезире продолжил учебу в лицее Ниццы «Парк империаль». Он уезжал на первой автодрезине в понедельник и всю неделю проводил в общежитии. И там уверенность и веселый нрав, которые он приобрел в семье, где его любили и восхищались им, сразу позволили ему влиться в компанию студентов. Он был забавным и полным задора, а потому быстро обзаводился друзьями.

Старший сын осваивал новые территории и места, узнавал самых разных людей, становившихся близкими только ему одному. Прежде в долине от его родни ничто не ускользало, но теперь сценарий его жизни по большей части разыгрывался на сцене, которая была далека от них, и в этот театр не было входа никому, кроме него самого.

Дезире возвращался домой вечерним поездом в пятницу. Он обедал с семьей, а потом шел в кафе, где уже сидели его друзья, и рассказывал им о своих приключениях в большом городе. Родители слишком уважали его занятия, чтобы просить помочь в выходные на скотобойне. Да и особой надобности не было: его брат трудился за двоих. Родители велели Дезире не заморачиваться, а между тем подобная свобода все больше отдаляла моего дядюшку от семьи.

Он первый в семье стал бакалавром. Для матери, едва окончившей начальную школу, и отца, знавшего только свое ремесло, его диплом был предметом большой гордости. Дезире спешил обрести полную самостоятельность, а потому не стал продолжать учебу. Местный нотариус нуждался в секретаре. Когда Дезире пришел к нему, тот сразу взял его на работу. Теперь у моего дядюшки появилась собственная квартира над кафе на площади.

Все получалось так, как хотели его родители. Их старший сын выучился и работал во всеми уважаемом бюро. А младший, более склонный к физическому труду, исполнительный и прилежный в том, что от него требовалось, теперь продолжал прибыльный семейный бизнес, благодаря которому все они добились своего высокого статуса.

В царстве слепых

В 1982 году во Франции выросло число больных с диагнозом иммунодефицита. Вилли Розенбаум нашел место в больнице Питье-Сальпетриер (что означает «сострадание к старым и убогим»), где снова мог принимать пациентов. Ни у одного из них не наблюдалось признаков улучшения. Количество летальных случаев росло.

Инфекционист привыкает к тому, что смерть всегда где-то рядом, но в случае с этим заболеванием пациентам выносили как бы двойной приговор: смерть ведь явление не только физическое, но и социальное. Статьи в прессе и телерепортажи об этой болезни посеяли в людях страх. Близкие перестали навещать больных, уличенных в гомосексуализме и наркомании. Теперь их собеседниками стали лишь немногочисленные врачи.

На новом месте Вилли Розенбаум сблизился с начинающим инфекционистом Давидом Клацманом, еще студентом, и тот стал помогать ему в исследованиях крови пациентов. Они выяснили, что на начальной стадии болезни лимфоциты Т4 почти не обнаруживаются, как утверждалось в некоторых американских публикациях.

Двадцать седьмого июля 1982 года в Вашингтоне для обозначения заболевания приняли аббревиатуру AIDS (Acquired Immunodeficiency Syndrome). По-французски это звучит как SIDA (syndrome d'immunodéficience acquise), по-русски – как СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита). Название изменилось, но признаки, объединенные в прежнем названии «синдром геев», остались те же.

В Париже по инициативе Вилли Розенбаума и Жака Лейбовича, начиная с весны, каждые пятнадцать дней стала собираться небольшая группа из 20 врачей. В нее вошли вирусологи из больницы Биша – Клода Бернара, Франсуаза Брен-Везине и ее ученица Кристин Рузиу, иммунологи Жан-Клод Глюкман и Давид Клацман, пульмонолог Шарль Майо, психиатр Дидье Сё и другие практикующие специалисты. Они провели совместные исследования на местах и выдвинули гипотезы, помогающие рассеять ту тень, что сгустилась вокруг загадочного заболевания. Больным требовались лучший уход и лучшее сопровождение. К группе тотчас же присоединился представитель Главного управления здравоохранения Жан-Батист Брюне.

Все члены возникшей организации, названной GFTS (Группа Франции по работе со СПИДом), были молоды, самому старшему едва исполнилось сорок. И только двое были уже профессорами, а остальные еще не закончили учебу. Среди них не было ни одного, кто имел бы вес в медицинских или научных кругах. Известные медики и научные специалисты того времени не проявили интереса к заболеванию, поразившему лишь ничтожную часть населения, да и то принадлежащую к категории маргиналов. Эти два пункта – отсутствие крупных специалистов-локомотивов в медицинской среде и гомосексуализм больных – обрекли GFTS на работу в атмосфере полного безразличия.

В команду GFTS вошли специалисты в самых разных областях. Каждый работал строго в соответствии со своей квалификацией. Но все они: инфекционисты, иммунологи, дерматологи, пульмонологи, вирусологи и медики широкого профиля – объединяли свои знания и усилия. Представители ассоциации медиков, занимающихся проблемами геев, поддерживая их усилия, налаживали связи с наиболее уязвимыми сообществами.

Начиная с самого первого заседания группы, Вилли Розенбаум и Жак Лейбович представляли аудитории случаи, которые удалось идентифицировать, описывали симптомы и повторяли гипотезу о вирусе, который передается через кровь и половые контакты. Своими выводами они поделились с американскими коллегами и опубликовали несколько коммюнике, чтобы как можно большее количество врачей ставило больных на учет и брало под постоянное наблюдение.

Жак Лейбович отчитался о своих переговорах с американским вирусологом Робертом Галло по поводу ретровируса. Тезис о том, что болезнь поражает только мужчин-гомосексуалов, показался французскому медику очень сомнительным. Он сообщил, что как во Франции, так и в США зафиксированы несколько случаев саркомы Капоши и пневмоцистоза у женщин, и направил коллегам ноту примерно на десяти страницах, составленную для того, чтобы французские медицинские учреждения были начеку. Первым делом требовалось наладить сбор информации на местах. Сотни медиков, которые получили описание симптомов, призвали обращать особое внимание на те случаи, что наблюдались у них в консультациях. Эта инициатива в очередной раз была воспринята довольно равнодушно. К концу 1982 года на учет были поставлены только 29 пациентов, из которых почти все были из региона Иль-де-Франс, и довольно большое количество осталось под подозрением. По мнению многих медиков, времена крупных эпидемий прошли и мало кто теперь захочет добровольно разрабатывать эту сомнительную территорию. Врачи из GFTS оказались в положении одноглазых в царстве слепцов, ведь получалось, что только они хотели разобраться в сути происходящего, но столкнулись со своими коллегами, которые совершенно не желали посмотреть правде в глаза. Завязались оживленные дискуссии. Жак Лейбович, будучи человеком с живым характером, легко загорался и так же легко остывал. Он очень быстро отдалился от Вилли Розенбаума и предпочел сотрудничать с командой профессора Галло. Пути двух первых французов, понявших важность синдрома СПИДа, разошлись в 1982 году.

Параллельно налаживалась постоянная телефонная связь для постановки больных на учет и контактов с ними. С одной стороны, пациенты получали информацию и советы от врачей, с другой – сообщали врачам информацию о своем самочувствии. На этом этапе пациенты зачастую знали гораздо больше самих врачей. Они теперь играли совершенно новую роль в процессе создания протокола лечения, наблюдая за своими симптомами и обобщая эти наблюдения. Эти молодые люди, по большей части мужчины, были ровесниками своих врачей. Зачастую их изгоняли из семьи, где к ним боялись прикасаться и даже смотреть на них. Многие из них нашли в сотрудниках GFTS слушателей, обрели в их кругу уважение и надежду вернуть то, что считали окончательно потерянным.

Амстердам

*Амстердам – очень красивый город. И люди здесь очаровательные.
Я скоро вернусь. Обнимаю всех.
Дезире*

Все беды семьи начались с этих нескольких строк, нацарапанных на обратной стороне почтовой открытки, которая пришла однажды утром в мясную лавку.

Дезире внезапно все бросил и пустился в безумные приключения. За несколько месяцев до этого, находясь в муниципальном палаточном лагере, он сблизился с группой голландских студентов. Легкость, с которой эти ребята путешествовали и обзаводились новыми друзьями, руководствуясь только волей случая, околдовала моего дядю. Они все вместе покуривали самокрутки с травкой и часами спорили обо всем на свете. Однажды чета из этой компании оставила ему адрес в Амстердаме. Аннекатрин и Нель приглашали его провести несколько дней у них, если появится возможность.

Потянулись унылые недели, проведенные между работой у нотариуса и кафе на площади. И однажды утром Дезире понял, что у него больше нет сил тянуть эту лямку. Он побросал вещи в дорожную сумку, заскочил в мясную лавку, когда у отца был перерыв, взял деньги из кассы и отбыл на автодрезине с маленького городского вокзала в Ниццу, а оттуда на поезде в Париж. За двадцать лет своей жизни он впервые вышел за пределы той территории, которой ограничивалось его существование. И по мере того как его уносил ночной поезд, он ощущал себя все свободнее.

На следующее утро в мясной лавке зазвонил телефон. Старшенький извещал, что уехал к друзьям в Амстердам и что не надо о нем беспокоиться. Бабушка даже не знала, где найти на карте этот самый Амстердам. Не успела она приказать ему немедленно вернуться, чтобы не потерять работу, как разговор был прерван по той причине, что закончились деньги, брошенные в щель автомата. Глупый и бессмысленный телефонный гудок быстро вернул бабушку к действительности и заставил ее ощутить собственное бессилие.

А старший сын тем временем открывал для себя Амстердам. Пока его гостеприимцы были на лекциях, он бродил вдоль каналов, по паркам и улицам между вокзалом и соборной площадью. Он растворялся в людской толпе вместе с хиппи, панками и клерками в аккуратных костюмах. Вдали от родного городка, от материнского присмотра, мир казался безграничным. На те деньги, что он отложил из заработанных и вытащил из кассы магазина, можно было продержаться несколько недель. Вернуться он планировал, когда карманы совсем опустеют.

Однажды вечером он зашел в бар на нижнем этаже дома Аннекатрин и Неля, чтобы там дожждаться их возвращения. И тут с ним заговорила какая-то тоненькая девушка с каштановыми волосами. Она заметила, что он не съел свои орешки, и предложила помочь от них избавиться. Девушка с такой жадностью принялась их уплетать, что мой дядюшка рассмеялся. Они познакомились и принялись болтать на смеси английского и французского.

Ее звали Майя, ей только что исполнилось шестнадцать, и она сбежала из интерната. Она уже несколько дней жила на улице и заходила в кафе заказать себе что-нибудь, чтобы было чем запить набранную за день еду. Питалась она орешками, которые официанты насыпали в блюдца на столах. Мой дядя тоже рассказал ей свою историю: про наш городок с его скукой, про желание отправиться в путешествие и пожить другой жизнью, не такой, как у его родителей. Майя сразу же влюбилась в Дезире, в его длинные волосы и вид а-ля Патрик Девер².

² Патрик Девер (наст. имя Патрик Жан-Мари Анри Бурдо) (1947–1982) – французский актер, певец и композитор, близкий

На следующее утро Майя перенесла к Аннекатрин и Нелю свои пожитки: одежду, несколько дисков Джерри Рафферти и старую гитару.

А в нашем городке мой отец, как всегда, работал. Перед открытием лавки он заглядывал в кафе, чтобы поболтать с завсегдатаями, почитать и прокомментировать страницу «Долина» в газете «Утренняя Ницца», посвященную новостям районов, примыкающих к центру. В то осеннее утро газета напечатала фотографию двух юношей, найденных в вокзальном туалете Ниццы. Скорее всего, они умерли от передозировки героином. В статье сообщалось, что несколько лет назад в казино «Бандоль» при схожих обстоятельствах была обнаружена девушка семнадцати лет от роду, со шприцем в руках. Она уже была мертва. По поводу этого случая газеты подняли сильный шум и долго пестрели заголовками, набранными крупным шрифтом. Тогда приняли закон о том, что тех, кто использует наркотики, следует считать преступниками и приговаривать к тюремному заключению.

В начале семидесятых Франция наконец согласилась скооперироваться с Соединенными Штатами, чтобы уничтожить так называемую «французскую связь» – канал, по которому в Марсель из Турции поставлялось сырье для производства героина на экспорт. Американские полицейские и их французские собратья надеялись уничтожить сеть крупных производств индустриального масштаба, но вместо этого обнаружили множество мелких лабораторий в скромных домах пригородов Прованса и Лазурного Берега. Существование разветвленной организованной системы оказалось химерой, за которой прятались эти лаборатории, зачастую оборудованные просто в ванных комнатах или гаражах Марселя, Тулона, Ниццы, Обаня или Сен-Максимена.

Франция кичилась тем, что пресекла трафик героина. Согласно данным, опубликованным в «Утренней Ницце», после того как на территории Шестиугольника, то есть Франции, ужесточили законодательство, сети трафика в близких к центрам районах были свернуты и тут, и в Италии, где токсикомания буквально опустошала населенные пункты. Газета сделала вывод, что героин, оборвавший жизни двух юношей, поступил явно из-за границы. В нашем городке никто, похоже, особенно не переживал по поводу этих событий.

Тем временем в мясной лавке бабушка первая почувствовала неладное: очень уж долго отсутствовал старшенький. И она начала приставать с расспросами к младшенькому:

– Что ему там делать, интересно? Он ничего тебе не говорил? Уже прошло целых три недели с тех пор, как он уехал.

А старшенький и не собирался прерывать свои каникулы на другом конце Европы. Что его понесло в такую даль? Думаю, отец со временем объяснил бабушке, что Дезире мог, например, начать курить травку. Это вполне законно, травку подмешивают к табаку, чтобы добиться эффекта «приплывтия» или «прилета». Бабушку, за всю жизнь не выпившую ни капли алкоголя и не выкурившую ни одной сигареты, такое известие просто ошеломило. Что же скажут люди в городке, когда узнают, что ее сын употребляет наркотики? Ему надо немедленно возвращаться. На кону честь семьи.

На конверте с очередной дядюшкиной открыткой, пришедшей не так давно, от руки был написан адрес некой Аннекатрин.

Институт Пастера

В больнице Питье-Сальпетриер Вилли Розенбаум и его коллеги по GFTS изо всех сил старались продвинуться в изучении СПИДа. Обстановка всеобщего недоверия и скепсиса их отнюдь не смущала. Для них было немыслимо бросить пациентов, которые видели в них последнюю надежду на излечение и уважение. Врачей возмущала та участь, которую общество им уготовило, и явная дискриминация по отношению к ним. Они не могли допустить, чтобы больных превратили в объект грубых шуток. Вилли Розенбаум не собирался опускать руки. Напротив – в исследованиях, которыми он занялся более года назад, наметился серьезный поворот.

Жак Лейбович и его американские коллеги убедили Розенбаума: речь идет о ретровирусе. Инфекционист прилагал все усилия, чтобы добиться согласия представить свою работу в Институте Пастера. Там он надеялся найти достаточно компетентных специалистов для продолжения исследований в этом направлении. Он проводил целые вечера за объединением всех данных, которые собирал неделя за неделей, и хотел убедить престижный институт ему помочь.

Осенним вечером 1982 года в маленьком конференц-зале Института Пастера состоялась презентация, которая привлекла внимание лишь небольшого количества сотрудников. Но Вилли Розенбаум не расстроился. Он методично и точно изложил, как разворачивались события за последние полтора года: знакомство со статьей в бюллетене MMWR, появление первых случаев пневмоцистоза, саркома Капоши, разрушение иммунной системы у больных, постоянно растущее количество консультаций, собрания в GFTS, контакты с американцами, возникновение гипотезы ретровируса. Он подчеркнул также, какую участь общество готовит первым заболевшим. Аудитория отнеслась к этой информации очень сдержанно. В конце своего сообщения он задал вопрос: не присутствует ли в зале ретровирусолог, который согласился бы помочь ему разгадать эту загадку? Ответа не последовало. Слушатели равнодушно разошлись. Розенбаум снова наткнулся на стену.

Когда он вернулся, ему позвонила Франсуаза Брен-Везине. Ей хотелось узнать, как прошло его вторжение в Институт Пастера. Она по-прежнему возглавляла лабораторию вирусологии в больнице Биша – Клода Бернара и продолжала исследовать взятый у пациентов биоматериал (мазки, кровь, срезы тканей), чтобы выявить источник заражения. Вилли Розенбаум признал, что потерпел поражение. Но она настаивала: в Институте Пастера есть вполне компетентная группа для проведения такой работы. Во время своих экспериментов она отслеживала, в каких направлениях разворачивались исследования сотрудников института, и запомнила Жан-Клода Шермана, вирусолога, представившего отчет об изучении ретровируса. Под конец разговора она призвала своего собрата не терять присутствия духа, спокойно вести работу, информировать и предостерегать коллег и порекомендовала ему обратиться непосредственно к начальнику Шермана, директору Объединения вирусной онкологии института, профессору Люку Монтанье.

Поездка в Амстердам

На моего отца, едва достигшего восемнадцати лет, возложили нелегкую задачу доставить старшего брата из Амстердама. Младший брат только что получил права и купил себе первую машину, почти новый «Фольксваген-гольф». А главное – он был единственным в семье, кто во всем старался слушаться указаний родителей.

Я не помню, чтобы отец за всю свою жизнь хоть раз сел на поезд или на самолет. Он знал только свою работу и те деревеньки, куда сопровождал деда на грузовике. Он никогда не путешествовал и говорил только по-французски, ну, может быть, иногда на местном итальянском, если общался с бабушкой. Дальше этого границы его мира не простирались. Для него земля все еще оставалась огромной и непознанной.

Но это не имело значения. Младший сын, ни разу не обманувший надежд родителей, он был готов поехать на другой конец Европы и разыскать старшего. Дедушка вручил ему конверт с деньгами и карту автомобильных дорог, купленную в газетном киоске. Бабушка настояла, чтобы с ним поехал двоюродный брат Альбер. Он хорошо знал Дезире и должен был найти нужные слова и уговорить его вернуться. Они отправились в дорогу утром, взяв с собой клочок бумаги с нацарапанным адресом, с которого Дезире отправил открытку матери, чтобы не волновалась.

Мой отец почти ничего не рассказывал мне об этом путешествии. А ведь оно было самым длинным за всю его жизнь. Их маршрут мне поведал компьютер. Теперь я знаю, что с церковной площади они повернули направо и проехали ровно тысячу двести восемьдесят три километра. Больше тридцати часов дороги, не считая остановок. Я представлял, как они сменяли друг друга за рулем и спали по очереди. Динь, Гренобль, Лион, Дижон, Нанси, Мец, Люксембург, Льеж, Маастрихт, Эйндховен, Утрехт и, наконец, Амстердам.

Единственное, что я слышал лично от него, – это история, которую он иногда рассказывал друзьям, собравшимся за столом. На въезде в Амстердам их остановили для проверки документов. Поскольку и форма, и машина полицейских были зеленые, они не сразу сообразили, что имеют дело с полицией. Альбер развеселился и на все вопросы отвечал французскими ругательствами.

– Всякий раз, как эти типы что-то спрашивали по-голландски, наш дурак Альбер отпускал какую-нибудь крепкую шуточку по-французски. Его это очень смешило, и он не мог остановиться!

Полицейские поняли, что над ними издеваются, арестовали путешественников и закрыли на ночь в одиночных камерах с решеткой вместо потолка, сквозь которую медленно падали хлопья снега. На следующее утро их, совершенно замерзших, выпустили.

Я был буквально околдован этим рассказом. Мой отец чуть не попал в тюрьму на другом конце Европы из-за каких-то глупых шуток! А ведь я его видел только сквозь витрину мясной лавки... Его жизнь обрела в моих глазах другие, нереальные очертания. Я тянул его за рукав и просил продолжить. Но он уже занялся своими взрослыми разговорами, пообещав досказать в другой раз. Эта поездка была его единственной вылазкой за пределы городка. Он ею гордился и старался сохранить все воспоминания о ней.

Не зная ни слова по-голландски, Альбер и мой отец умудрились отыскать квартиру Анне-катрин и Неля в Амстердаме. Дезире удивился, увидев родных, но их визит явно доставил ему удовольствие. Он жил в гостиную своих друзей вместе с молоденькой девушкой, с которой познакомился несколько дней назад. Ее звали Майя, и она настояла на том, чтобы уехать вместе со всеми. Она бросила учебу и окончательно порвала с родителями. Ей очень хотелось

посмотреть Францию в компании Дезире, и она уговорила его согласиться на отъезд. Получается, что отец фактически не оставил брату выбора. Он даже вообразить не мог, что может вернуться в родной городок к родителям, потерпев поражение. А дядя прекрасно понимал, какие доводы пустила в ход его матушка, чтобы его привезли обратно. Выставить Луизу в роли побежденной было никак нельзя.

Все четверо отправились в путь на рассвете. Впереди сидел Альбер с отцом, сзади – Дезире и Майя, несовершеннолетняя голландка без паспорта. У влюбленной парочки карманы были набиты гашишем, но все обошлось без приключений. В городок они приехали поздно ночью.

На следующее утро Дезире представил Майю всей семье. Родители были настолько рады его возвращению, что тепло и радушно приняли девушку, хотя их и смущали ее нежный возраст и положение. Конечно, не только их сын отправлялся в путешествие куда глаза глядят, как завязанный бродяга. Но не каждый привозил с собой малолетку, сбежавшую из дома. С помощью Майи, которая согласилась быть переводчиком, они связались с ее родителями. Те ничего не имели против ее выбора. Они предложили урегулировать ситуацию, оформив девушку домашней помощницей на полном пансионе. Через несколько дней Эмиль и Луиза вместе с Майей поехали в Ниццу выписать ей паспорт и сделать все необходимое, чтобы узаконить ее пребывание в городке. Таким образом они останутся в рамках закона и смогут официально представить Майю соседям. Шестеренки механизма, запущенного бабушкой, пришли в движение. Дезире и не думал сбегать в Голландию, никого не предупредив. Он отправился туда в отпуск с друзьями, а теперь возвратился с девушкой, которая приехала учить французский язык.

Майя вместе с моим дядюшкой поселилась в его квартире над кафе. Она быстро вошла в семью и включилась в работу в магазине. Первыми французскими словами, которые она произнесла, были те, что употреблялись в мясной лавке. Мой дед научил ее украшать витрину, засаливать колбасы. Если в городке для нее не было особых дел, она ездила с дедом по деревням, и он показывал ей горы. По понедельникам Майя вместе с ним работала на бойне. Чтобы произвести на нее впечатление, Пьер, «работник» на бойне, пил горячую кровь животных, перед тем как бросить внутренности собакам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.